

Ломанович В.В.,
музыкант, скрипач, педагог

В музее старинных танцев

Если вы помните нашего любознательного путешественника, который провёл незабываемую ночь в Вене, слушая истории котов на крыше, то, наверняка, вам будет интересно встретиться с ним опять, и я уверена, что он наверняка расскажет вам что-нибудь интересное.

Итак, в последний раз мы виделись с ним в Вене. Путь его дальше лежал во Францию. Эта страна давно уже привлекала его, и, наконец, у него появилась возможность туда съездить. Он остановился в первом попавшемся городке и, пообедав, отправился гулять по городу. Как обычно, первым делом он отправился в краеведческий музей. Дорогу ему показали, и наш путешественник узкими улочками, с удовольствием глаза по сторонам, отправился туда. На одной из улочек он увидел довольно неказистый дом с массивной дверью, которая понравилась ему своей солидностью и внушительным видом. На двери была табличка с буквами, стёршимися от старости, но, приглядевшись, путешественник с трудом смог прочитать: «Музей старинных танцев». «Это должно быть очень интересно, — подумал он, — во всяком случае, я в таком музее ещё никогда не был». Он попытался открыть дверь, она с трудом поддавалась, и путешественник оказался в старинном доме с высокими потолками, старинной мебелью и мутными от старости зеркалами. К нему подошёл смотритель и стал расхваливать свой музей. Слушая болтовню старика, путешественник думал про себя: «Болтай, болтай, я ведь не слепой, вижу, что кроме пыльных манекенов и полуразвалившейся мебели здесь ничего интересного нет. Побуду здесь полчаса и отправлюсь дальше». Увидев стрелку начала осмотра, путешественник отправился по залам, галереям и комнатам музея, удивляясь, как в таком небольшом, на первый взгляд, помещении может уместиться такое количество комнат. В витринах лежали разнообразные веера, маленькие зеркальца на ремешках, миниатюрные записные книжечки с обложками из золота и серебра, медальоны с портретами дам и кавалеров в мудрёных париках, какие-то бутылочки из цветного стекла с остатками благоухающих жидкостей, табакерки и пудреницы. В старинных буфетах стояла парадная посуда, лежало старинное столовое серебро,

вышитые салфетки с вензелями. «Но всё это было и в других музеях, — подумал путешественник, — а где же старинные танцы?»

Посмотрев на часы, путешественник решил, что пора оправляться на ужин и стал искать стрелочку, указывающую на выход. Но её нигде не было. Он пошёл наугад, открывал одну дверь за другой, попадал из одного помещения в другое, и, наконец, с ужасом понял, что без посторонней помощи ему из этого музея не выбраться. Он уселся на старинный диван отдохнуть немного и сориентироваться. Со всех сторон его окружали манекены в старинных костюмах и париках, кавалеры с оружием, дамы с веерами, в великолепных шляпах. Казалось, что они изучали его, присматривались к нему. «Какие у них живые глаза, какое заинтересованное выражение их лиц! — подумал путешественник. — Такое ощущение, что они хотят поговорить со мной, но о чём? Впрочем, жили ведь много лет тому назад люди,

которые одевались в такие одежды, у которых было своё, отличное от нашего, понимание жизни, своя манера поведения, свои жизненные правила. Вот было бы интересно, если бы эти манекены ожили и рассказали что-нибудь интересное о тех давно прошедших временах!» Встав устало с дивана, он пошёл дальше, в надежде встретить зрителя.

Тем временем за окнами синело, зажигались фонари, а комнаты музея так и не кончались, переходили одна в другую, заворачивали в коридоры и галереи, внезапно появлялись залы, один другого красивее, наряднее, и путешественник подумал, что ему и не особо хочется уходить отсюда в шумную, суетливую жизнь за окнами музея. На улицах совсем стемнело. На счастье, путешественник в это время оказался в одной очень уютной гостиной, где было на чём провести ночь: она вся была уставлена мягчайшими диванами. «Отлично, — подумал путешественник, — переночую здесь, дождусь зрителя, и он выведет меня из музея».

Старинные каминные часы пробили полночь, путешественник заснул, но сквозь сон очень он скоро услышал шуршанье платьев, какие-то невнятные, незнакомые голоса. «Ну вот, то коты мешали спать, беседовали всю ночь, а здесь-то кто, мыши?» — сквозь сон недовольно подумал путешественник.

Голоса стали яснее, он различал и мужские, и женские, старые и молодые, они явно приближались.

— Я же говорила, что он ещё здесь, наверняка не смог найти выход. Бедняжка, как же он устал.

— Тише, тише, не будите, а то вдруг он будет визжать, как та заблудившаяся дамочка, которая приняла нас за привидений, упала в обморок и доставила нам массу хлопот!

— Нет, этот не будет визжать. Он так внимательно вглядывался в детали моего костюма, ему наверняка будет интересно познакомиться с нами.

— Сеньора Сарабанда, вы уже сто лет мечтаете, чтобы вами кто-нибудь заинтересовался. Да, видно, прошли ваши лучшие денёчки, сейчас интересуются совсем другими танцами.

Наш путешественник вмиг проснулся, ночная история с котами многому его научила. Ведь он узнал такое, о чём не прочтёшь ни в одной книге! Он вскочил немедленно, быстро пригладил волосы (ведь среди окружавших его людей были дамы, и очень интересные собой!), вежливо поклонился и представился. «Где же я их всех видел?» — подумал он, вглядываясь в незнакомые лица людей, обступивших его. Его удивили их костюмы, шляпы, почти у всех кавалеров были шпаги.

— Да это же манекены! — не удержавшись, воскликнул он.

— Вы совершенно правы, господин, — обиженно ответила ему одна пожилая дама, — наше место сейчас только в музее, в вашей жизни нам места нет.

— Сеньора Сарабанда, вы опять жалуетесь. Но посмотрите, господин, кажется, смотрит на нас с большим интересом, — деликатно прервал её очень пожилой кавалер, совсем дедушка. Он подошёл к путешественнику, церемонно поклонился, сняв свою огромную шляпу с красивейшими перьями, и торжественно произнёс: — Разрешите представиться, я — господин Бранль, старейшина славной семьи танцев. Вы, молодой человек, можете просто называть меня Дедушка Бранль. А это — моя большая семья, мои дети, сыновья и дочери, внуки и внучки, племянники и племянницы. Прошу любить и жаловать. Но, прежде чем я вам представлю их всех по очереди, вы должны разучить мои основные па.

К счастью, наш путешественник знал, что «па» — это танцевальный шаг.

— Танцевать меня очень просто, не правда ли? — продолжал Господин Бранль. — За это меня все и любили: короли, знать и придворные, прачки, сапожники и бочары. Но не только люди, но и животные любили танцевать. Вот сейчас мы с вами разучили Бранль Крысы, а есть Бранль Гусей и даже Конский Бранль. Естественно, гуси и лошади не танцевали, они только с любопытством глазели, как люди подражали движениям животных. Танцы получались очень весёлые. Меня знали все, от мала до велика, и, наконец, моя слава достигла дворцов и замков.

К тому времени моя семья стала увеличиваться. Разрешите представить вам моего старшего сына Бурре. Он тоже стал сразу после рождения знаменит. Сначала его танцевали только в деревнях. Крестьяне, возвратясь из леса с огромными вязанками хвороста, наверное от усталости и немножко от злости на этот хворост, топтали его ногами. Кто-нибудь из крестьян, для того чтобы поднять настроение у людей, подыграл этому топтанью на свирели. Вот так и появился на свет мой сын, Бурре.

Как-то мимо этой деревни проезжал богатый и знатный господин. Ему Бурре так понравился, что он попросил меня, счастливого папашу, показать этого чудо-ребёнка при дворе короля. Я был на седьмом небе от счастья. Мой сын — при дворе короля! Там его, конечно, умыли, причесали, одели в роскошный наряд. Я его даже сначала и не узнал, до чего он стал прекрасным! Придворные дамы возились с ним и выносили безропотно все его капризы.

А вот моя старшая дочь Аллеманда. Когда она была маленькая, она не спала целыми ночами, капризничала и успокаивалась только тогда, когда её носили при свете факелов или подсвечников. И ходить надо было тихо и равномерно, иначе она поднимала крик. Вы заметили, что у неё странное имя, оно значит — Немецкая. Она родилась в то время, когда я гостил в Германии, а слово Германия мы произносили Аллемания, вот так и появилась Аллеманда.

К Дедушке Бранлю подошёл очень изящный господин, в камзоле голубого цвета, расшитом золотой ниткой, с жабо из драгоценных кружев, на боку у него была шпага, эфес которой был украшен бриллиантами. Держался он немного высокомерно, посматривая на всех остальных чуть-чуть снисходительно.

— Мой знаменитый сын Менуэт — представил его Дедушка Бранль.

Господин Менуэт взял нашего путешественника под руку и предложил ему пройти с ним по галерее и осмотреть старинные портреты. С портретов на них смотрели короли и королевы, принцы и принцессы.

— Обратите, пожалуйста, Ваше драгоценное внимание на этот портрет, — изысканно выразился господин Менуэт, — это Король Франции, Людовик Четырнадцатый. На этом портрете он разучивает меня, — и Менуэт гордо посмотрел на путешественника, — которого называли Королём танцев и Танцем королей. Знакомство со мной открывало двери в самые богатые и знатные дома аристократов. Сам Король несколько месяцев старательно разучивал мои трудные па. Если кто-нибудь из знати не умел меня танцевать, он рисковал впасть в немилость у Короля. Я слышал, что даже в далёкой России их знаменитый царь Пётр Первый требовал, чтобы все бояре и дворяне учились танцевать меня. У бояр были длинные бороды, которые мешали им делать мои низкие и трудные поклоны, так царь приказал эти бороды сбрить. Русские бояре ненавидели меня за это. Но, самое интересное, выучились меня танцевать как миленькие, и потом даже французам фору давали. Меня ведь даже сейчас, когда вся моя семья почти забыта и живёт только в музеях и в концертных залах в музыке старинных композиторов, приглашают в музыку современную. Меня можно встретить в музыке композиторов XX века.

— Опять этот Менуэт расхвастался, — раздался недовольный голос Дедушки Бранля. — Не только Менуэт, но и мой сын Гавот тоже побывал в музыке знаменитого композитора из России Сергея Прокофьева. Без Гавота ему просто никак не обойтись было, когда он писал музыку к балету «Золушка».

Вы помните какой танец старательно разучивали дочери Мачехи, готовясь к балу у короля? Так это был он, мой сынок Гавот.

— Дедушка Бранль, — деликатно спросил путешественник, — мы, кажется, обидели своим невниманием тех трёх прекрасных старых сеньор в чёрных одеяниях, с высокими гребнями в причёсках. Кто они?

— Давайте я познакомлю Вас с ними. Эти замечательные сеньоры — мои родственницы из Испании: сеньора Сарабанда, сеньора Павана и сеньора Пассакалия.

Путешественник вежливо раскланялся с дамами, и они пригласили его присесть рядом с ними поболтать.

— Я сразу обратила на Вас внимание, молодой человек, — сказала сеньора Сарабанда, — когда Вы ещё днём ходили по нашему музею. У Вас на лице не было того противного скучающего выражения лица, которое мы часто видим на лицах многих посетитель. Мы не можем пожаловаться, что к нам в музей редко ходят, но не многие посетители принимают нас и наши прожитые жизни близко к сердцу. Людям вообще свойственно думать только о себе. Моё время, действительно давно прошло, но, если бы Вы знали, скольким молодым влюбленным юношам и девушкам я помогла. Когда на балах объявлялась Сарабанда, кавалеры могли выбрать себе даму не по положению, равную своему титулу, а только по любви и симпатии. Вы знаете, что любовь бывает несчастливой, поэтому моё звучание так часто бывает печальным. Однажды, один экскурсовод, рассказывая обо мне посетителям, сказал, что Сарабанда — это шествие вокруг гроба господина. Вот неуч, невежда! Я, Сарабанда, — танец о любви. Но люди не любят менять свои взгляды на нас, для этого надо посидеть в пыльных архивах и почихать над старинными флиантами. До сих пор считается, что меня надо исполнять по старой традиции: два шага вперёд — один назад, как бы оттягивая назад момент приближения к месту последнего упокоения.

Сеньора Сарабанда, польщённая тем, с каким вниманием путешественник слушал её, продолжала:

— А какую интересную жизнь прожила сеньора Павана! Сейчас даже имени её толком никто не знает, но были иные времена. Однажды в наш музей заглянул один композитор по имени Равель. Он был очарован сеньорой Паваной и долго беседовал с нею.

— Сеньора Павана, — спросил Дедушка Бранль, — что Вы рассказали ему такого, что он потом долго стоял у окна, погружённый в себя, никого не замечая вокруг?

— Я рассказала ему о смерти маленькой Инфанти, принцессы, любимой дочери Короля. Ей было всего пять лет, она была добра и весела, как солнышко. Тяжёлая болезнь унесла её. Весь город горевал о ней. Процессия на её похоронах была такая длинная, что ей не было видно конца. Все хотели попроситься с Инфантой. Композитор Равель долго безутешно плакал над моим рассказом, но, выйдя из музея, быстро начирикал что-то в своей записной книжке. Вскоре мы узнали, что он написал чудесную музыку и посвятил ее маленькой Инфанте.

— А вот эта горделивая старая дама — сеньора Пассакалия, — продолжал Дедушка Бранль. — Когда-то ни одно торжественное шествие по городу по случаю какого-нибудь праздника не обходилось без неё. Все должны были беспрекословно подчиняться ей, её походке. Поэтому она до сих пор смотрит на всех свысока.

— Разрешите Вам представить теперь мою старшую дочь Фарандолу. Когда она была маленькая, она обожала древнегреческие мифы, особенно миф о Минотавре и о знаменитом лабиринте. Она так запутывала танцующих, что без помощи ведущего они не могли выбраться из этого танцевального лабиринта и устраивали настоящую кучу-малу. Она же только хохотала над ними. У неё было несколько любимых рисунков лабиринта: змейка, спираль, арка, улитка, мосты. Её всегда охотно приглашали абсолютно на все праздники, свадьбы, гулянья. У неё всегда было много друзей, и не только во Франции, но и в далёких странах. В Италии, например, живёт целое семейство, с которым Фарандола очень дружит: Бабушка Сицилиана, Матушка Гальярда и сеньорита Тарантелла. Бабушка Сицилиана, конечно, уже не танцует, она только вспоминает свою молодость и немного печалится о том, что то время давно прошло. А вот Матушка Гальярда ещё хоть куда дама. К ней приходили придворные дамы и умоляли открыть секрет знаменитой руады, основного па этого танца. Мало у кого руада получалась правильно и красиво. Ещё трудней были так называемые журавлиный шаг и лягание коровы, это тоже основные движения Матушки Гальярды. Придворные дамы, конечно, не лягались, как коровы, они, наоборот, после многочисленных часов разучивания Гальярды танцевали легко, как нимфы или сказочные и очень весёлые феи.

Дедушка Бранль достал из кармана маленький медальончик и показал его путешественнику. Крышечка открылась с мелодичным звоном, и путешественник увидел миниатюрный портрет очень симпатичной и весёлой девушки.

— А это Тарантелла. Не напоминает ли Вам, господин путешественник, что-нибудь звучание её имени?

— Напоминает, — подумав, ответил путешественник. — Но я никак не могу связать такую симпатичную девушку с названием отвратительного паука тарантула.

— И, тем не менее, Вы правы. Она заставляла людей, укушенных этим злобным пауком, танцевать, и танцевать зажигательно, темпераментно, как бы в экстазе. Говорят, в танце многие излечивались от действия яда тарантула. Так её и называли Тарантеллой. На балы её не приглашали, придворные дамы падали в изнеможении после пяти минут танца. Ещё бы, в таких тяжёлых, длинных платьях, с длинными шлейфами совершенно невозможно было скакать и прыгать.

— В Англии живёт ещё одна подружка Фарандолы — Мисс Жига, не девушка, а сорванец, шага не может ступить спокойно, всё с прыжками, да с какими! Несмотря на такие замашки, совершенно не свойственные молодым приличным девушкам, её очень любили, и совершенно различные люди. Её отплясывали английские моряки, разучивали и с удовольствием играли французские лютнисты, итальянские скрипачи и немецкие клавесинисты.

Дедушка Бранль подвёл путешественника к молодому господину во фраке с очень романтической внешностью. Чёрные кудри его развевались от сквозняка, он стоял так красиво освещённый свечами, что путешественник залюбовался им.

— Позвольте представить Вам господина Вальса. Среди всей нашей семьи нет танца более знаменитого, чем он. Его знали и знают все люди. Он покорила весь мир, и наверное за его красоту люди подарили ему редкую вещь — бессмертие. Он всегда молодой. Может быть печальным, встревоженным, огорчённым, нежным, страстным, капризным, торжественным, но никогда — старым.

Утренний ветерок стал задувать свечи, играя с лёгкими занавесками, за окнами стало светлеть, и вся семья танцев стала прощаться со своим гостем. Он галантно перецеловал ручки у всех прекрасных дам, распрощался с кавалерами, выразил всем им свою искреннюю любовь и восхищение.

— Ну, господа и госпожи, пора нам возвращаться на свои места, а то я уже слышу шаркающие шаги нашего зрителя, хотя чего его бояться, он же давно знает, что мы любим пообщаться ночью. Прощайте, господин путешественник, спасибо Вам за терпеливое внимание, с которым Вы выслушали нас.

И Дедушка Бранль повёл свою семью в глубину комнат.